

В. А. Томсинов

*Заведующий кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2014. № 10. С. 88–94. № 11. С. 88–94. № 12. С. 88–94.

2015. № 1. С. 88–94.

- 1 -

Проекту Гражданского уложения Российской империи эпохи правления Александра I не суждено было стать действующим гражданским кодексом, тем не менее он оказал некоторое влияние на развитие гражданского законодательства страны. Ряд его статей вошел в Свод законов гражданских, составивший первую часть десятого тома свода законов Российской империи. Весьма ценным был и опыт систематизации гражданского законодательства, полученный в процессе разработки данного проекта. Однако наибольшее значение проект Гражданского уложения 1809–1814 годов имел для формировавшейся в тот период российской науки гражданского права.

Создание краткого кодекса, призванного заменить собою хаотичную совокупность множества законов, уже само по себе предполагало теоретическую, научную обработку обширного правового материала. В 1833 году М.М. Сперанский напишет в своем

историческом обозрении работ по систематизации законодательства, которые велись в России на протяжении XVIII и первой трети XIX столетия: «Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело настоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная»¹. Позднее мысль о том, что любой правовой кодекс является всегда сплавом юридической практики и принципов научной юриспруденции высказывал и авторитетный русский правовед-цивилист Н.Л. Дювернуа. «Кодификация, — отмечал он, — может иметь место только тогда, когда наука стоит на всей высоте своего призвания. При этом кодекс не должен задаваться стремлением предусмотреть все возможные сочетания, которые могут раскрыть случайности жизни. Полнота законодательства обуславливается иным, именно: определением руководящих принципов, из которых необходимые выводы, в виду юридической практики, легко и свободно создает юриспруденция»².

Созданный в 1809–1814 годах проект Гражданского уложения представлял собой не систематизированное собрание действовавших в то время в России гражданских законов, а свод сформулированных на их материале основополагающих гражданско-правовых принципов

¹ [Сперанский М. М.] Обозрение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 56–57.

² Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 11.

и норм. При его составлении был учтен опыт кодификации гражданского права во Франции, а также достижения древнеримской и западно-европейской цивилистики. Содержание данного проекта, пояснения к нему, протоколы заседаний департамента законов и общего собрания Государственного совета, на которых он обсуждался, показывают, что в процессе его создания решалось множество не только практических, но и теоретических по своему характеру вопросов гражданского права.

* * *

Первая часть проекта Гражданского уложения, посвященная личным гражданским правам, а также институтам брачно-семейного права, была составлена к концу 1809 года³, вторая, содержащая нормы вещного права, — в 1810 году⁴, третья — «О договорах» — в начале 1812 года⁵. В 1814 году была составлена новая редакция проекта Гражданского уложения⁶, в которой были учтены замечания, высказанные при обсуждении его текста членами Государственного совета.

Император Александр I придавал Гражданскому уложению значение столпа общественного порядка. В Манифесте об образовании Государственного совета, изданном 1 января 1810 года,

³ См.: Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809.

⁴ См.: Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 2. Об имуществах. СПб., 1810.

⁵ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. О договорах. СПб., 1812.

⁶ В том же году все три части этой новой редакции были изданы в одной книге. См.: Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814 // Архив Государственного совета. Том 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. Часть 1. Рассмотрение проектов уложений гражданского, уголовного и торгового. Приложения. СПб., 1874. Стлб. 1-252.

его величество заявил: «Зная, сколь существенно для блага верных наших подданных оградить собственность их добрыми гражданскими законами, Мы обратили на часть сию особенное внимание. Усилия, кои со времен Петра Великого употребляемы были к дополнению и пояснению гражданского нашего права, доказывают, что тогда уже чувствовали всю важность и настоятельную нужду его исправления. В последующие времена, с умножением народа, с расширением собственности, с успехами промыслов, нужда сия соделалась ощутительнее. Всевышний благословил желания Наши. С окончанием протекшего года Мы имели удовольствие видеть и удостовериться, что сие важное дело восприяло успешное движение. Первая часть Гражданского Уложения окончена; другие постепенно и непрерывно за ней последуют. По примерам древнего отечественного нашего законодательства, Мы не оставим назначить порядок, коим Уложение сие совокупным рассмотрением избраннейших сословий имеет быть уважено и достигнет своего совершенства»⁷.

Главным творцом первого варианта проекта Гражданского уложения был выдающийся русский государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839)⁸. Среди его бумаг, находящихся в Российском государственном историческом архиве, сохранились так называемые «изъяснения» на текст проекта Гражданского уложения⁹. Их содержание показывает, что составление

⁷ Манифест «Образование Государственного совета» от 1 января 1810 года // Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 397.

⁸ Наиболее полная на сегодняшний день биография М.М. Сперанского представлена в книге: *Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского*. М.: Зерцало-М, 2013.

⁹ См.: Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. 1810–1812 гг. // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 1251. Бумаги М.М. Сперанского. Оп. 1. Часть 1. Д. 9. 132 листа.

данного проекта являлось в значительной мере научно-исследовательской работой. В процессе ее устанавливался или уточнялся смысл основных понятий гражданского права, определялись главные признаки тех или иных гражданско-правовых институтов, отбирались из действующего российского законодательства наиболее оптимальные гражданско-правовые нормы, формулировались новые правила гражданского оборота, отсутствовавшие в законах Российской империи, но признанные необходимыми для развитого гражданского быта. В качестве правового материала, из которого извлекались гражданско-правовые нормы, использовалось не только российское законодательство, но и опыт правового регулирования частных отношений в иностранных государствах — в особенности тот, который был воплощен в Гражданском кодексе французов 1804 года.

Данные «изъяснения» на проект Гражданского уложения, как и параграфы его первоначального варианта, писались лично М.М. Сперанским. Между тем еще при жизни Михаила Михайловича составление этого проекта приписывалось начальнику первого отделения Комиссии составления законов Густаву Андреевичу Розенкампу (*Gustav Adolf von Rosenkampf*, 1762—1832). Впоследствии этого мнения придерживался и русский правовед-цивилист Семен Викентьевич Пахман, который специально занимался историей разработки проекта Гражданского уложения. В своей книге «История кодификации гражданского права», опубликованной в 1876 году, он отмечал, что проект первой части Гражданского уложения «был составлен Розенкампом под наблюдением Сперанского»¹⁰. Густав

¹⁰ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2004. С. 350.

Розенкампф действительно вел работу над этим проектом, но не знавший русского законодательства и не умевший писать на русском языке он составил всего лишь компиляцию из иностранных гражданских законов, которая не могла служить проектом Гражданского уложения для Российской империи. В 1813 году, находясь в ссылке в городе Перми, Сперанский написал Александру I письмо, в котором подвел краткие итоги своей деятельности за период с конца 1808 года до марта 1812 года. О своих трудах в Комиссии составления законов Михаил Михайлович сообщил: «Развлеченный множеством дел, я не мог сей части дать того ходу, какого бы желал, но смею сказать, что и в ней сделано в течение двух лет более, нежели во все предыдущее время. Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях, в мое время не только составлены твердые планы на важнейшие части, но составлены, изданы и в Совете рассмотрены две труднейшие части Гражданского Уложения; третья и последняя требовала только отделки. Со всем тем никогда не хвалился я сими работами и охотно и в свете, и перед Вашим Величеством разделял честь их с Комиссиею, но несправедливости людей принуждают меня, наконец, быть любочестивым. Пусть сличат безобразные компиляции, представленные мне от Комиссии, т. е. от г-на Розенкампфа, и если найдут во сте два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю им всю честь сего произведения. Сличение сие нетрудно, ибо компиляции сии все остались в моем кабинете»¹¹.

Помимо лжи о том, что автором проекта Гражданского уложения 1809 года был Густав Розенкампф, М. М. Сперанский вынужден был развенчивать в пермском письме к государю и миф, по которому он в

¹¹ Сперанский М. М. Пермское письмо императору Александру I // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 576.

этом проекте будто бы всего лишь переложил на русский язык Гражданский кодекс французов (Code civil des français) 1804 года.

Одним из распространителей (а возможно, и творцом) данного мифа стал Н. М. Карамзин. В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной в начале 1811 года, писатель-историк подверг резкой критике деятельность Комиссии составления законов и созданный Сперанским проект Гражданского уложения. Язвительно-насмешливым тоном Николай Михайлович выводил в данной записке: «Александр, ревностный исполнить то, чего все монархи российские желали, образовал новую Комиссию: набрали многих секретарей, редакторов, помощников, не сыскали только одного и самого необходимейшего человека, способного быть ее душою, изобрести лучший план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом... Мы ждали года два. Начальник переменялся, выходит целый том работы предварительной, — смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьною пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России... Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в Луне, а не в Земле Русской, — и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам или не писали для нас законов. Опять новая декорация: видим законодательство в другой руке! Обещают скорый конец плаванью и верную пристань. Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем п р о е к т а У л о ж е н и я. Что же находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса!

Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнему, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, – у нас еще не Вестфалия, не итальянское Королевство, не Варшавское Герцогство, где кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7[-ю] экс-адвокатами и экс-якбинцами?»¹²

Отвечая на подобные упреки, М. М. Сперанский писал императору Александру: «Другие искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изобличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но со здравым смыслом, со знанием сих источников и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах»¹³.

Некоторые нормы проекта Гражданского уложения были внешне похожи на аналогичные нормы Гражданского кодекса французов 1804 года, однако в целом и общей системой своей, и содержанием норм, а самое главное – смыслом правовых институтов произведение Сперанского весьма сильно отличалось от Кодекса Наполеона. Подобно Гражданскому кодексу Франции, проект Гражданского уложения Российской империи делился на три части.

¹² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 89–90.

¹³ Сперанский М. М. Пермское письмо императору Александру I. С. 576.

Первая его часть называлась «О лицах», вторая – «Об имуществах», третья – «О договорах». «Эта система близка к системе Французского кодекса, но представляет и отклонения от нее» – так оценил указанный порядок расположения материала С. В. Пахман. Принятый в 1804 году Гражданский кодекс французов состоял, как известно, из трех книг: «О лицах (*Des personnes*)», «О вещах и различных видоизменениях собственности (*Des biens et différentes modifications de la propriété*)» и «О различных способах, которыми приобретается собственность (*Des différentes manières dont on acquiert la propriété*)». Система проекта российского Гражданского уложения была сходна с его системой лишь делением на три части, а также названием первой из них. Наименования двух последующих частей данного проекта явно отличались от названия соответствующих книг Гражданского кодекса французов 1804 года. Однако если сопоставить его систему с системой проекта Гражданского кодекса Франции, поданного 9 августа 1793 года Ж. Ж. Камбасересом от имени Комитета законодательства на обсуждение Национального Конвента, то обнаружится едва ли не полное сходство одной системы с другой. Представленный Камбасересом проект включал в себя тексты трех книг: «*De l'état des personnes* (О состоянии лиц)», «*Des biens* (О вещах)» и «*Des contrats* (О договорах)»¹⁴. При этом предполагалось, что будет еще и книга четвертая – «*Des actions*», но ее текст в проекте отсутствовал¹⁵. В связи с этим весьма любопытным является замечание М. М. Сперанского в «Обзрении исторических сведений о своде законов» о том, что «из Гражданского Уложения» Комиссией 1804 года

¹⁴ Archives Parlementaires. De 1787 à 1860. Tome LXX. De 30 juillet 1793 au 9 aout 1793. Paris, 1906. P. 554–555.

¹⁵ Ibid. P. 556.

были разработаны «три части и одна часть о судопроизводстве»¹⁶. И так же, как в случае с проектом гражданского кодекса Франции, четвертая часть не была включена в окончательный вариант проекта Гражданского уложения Российской империи.

Составив первоначальный вариант проекта Гражданского уложения, М.М. Сперанский многое определил в его содержании. Своими же «изъяснениями» на текст данного проекта он придал ему солидное теоретическое основание. Однако история создания проекта Гражданского уложения на этом не закончилась. Предстояло его обсуждение в рамках Государственного совета. Оно оказалось на удивление плодотворным для уяснения основополагающих вопросов гражданского права Российской империи.

Рассмотрение проекта Гражданского уложения началось в Государственном совете 18 января 1810 года. В этот день председатель департамента законов, открыв его заседание, предложил обсудить представленные от директора комиссии законов М.М. Сперанского: 1) «общее введение к Гражданскому уложению», 2) «особенное введение к первой его части» и 3) «изъяснения на первую главу Уложения»¹⁷.

Обсуждение первой части проекта Гражданского уложения в департаменте законов продолжалось по май 1810 г. В июне и июле она рассматривалась общим собранием Государственного совета.

7 сентября 1810 года общее собрание Государственного совета приступило к рассмотрению второй части проекта Гражданского

¹⁶ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 37.

¹⁷ Архив Государственного совета. Том 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. Часть 1. Рассмотрение проектов уложений гражданского, уголовного и торгового. СПб., 1874. Стлб. 1.

уложения¹⁸. Оно завершилось спустя четыре месяца¹⁹. Третья часть данного проекта начала обсуждаться в департаменте законов Государственного совета в июле 1812 года²⁰. В декабре того же года это обсуждение было прервано²¹, можно уверенно предполагать — по причине отъезда государя императора в русскую армию, готовившуюся после изгнания войск Наполеона из пределов России к походу на Париж. Неслучайно поэтому, что возвращение Государственного совета к обсуждению проекта Гражданского уложения произошло только по окончании заграничного похода русской армии.

28 августа 1814 года император Александр I издал следующий именной указ: «Для надлежащего единообразия в изложении статей во всех трех частях нового Гражданского Уложения, для взаимного соображения оных и поверки повторений или пропусков повелеваем третью часть сего проекта рассмотреть совокупно с первыми двумя частями в Общем Собрании Государственного Совета»²². Первое обсуждение проекта Гражданского уложения в указанном органе состоялось 9 декабря 1814 г. Протокол состоявшегося в этот день заседания общего собрания Совета свидетельствует, что на его рассмотрение был представлен новый вариант данного проекта, отличавшийся содержанием целого ряда параграфов от первоначального варианта.

¹⁸ Там же. Стлб. 36.

¹⁹ Там же. Стлб. 40.

²⁰ Там же. Стлб. 42.

²¹ Там же. Стлб. 53–54.

²² Именной указ, данный Государственному совету «О рассмотрении в общем собрании Государственного совета Проекта нового Гражданского Уложения». 28 августа 1814 года // 1-ПСЗРИ. Том 32. № 25659. С. 889.

Первый параграф первой части проекта Гражданского уложения 1809 года гласил: «Права гражданские определяют взаимные отношения подданных между ими по лицу их и по имуществу»²³. Первый параграф первой части проекта Гражданского уложения варианта 1814 года выражал эту мысль в другой формулировке: «Права гражданские проистекают из взаимных отношений подданных между ими, по лицу их и по имуществу, поколику отношения сии определены законом»²⁴.

Второй и третий параграфы проекта 1809 года объявляли соответственно: «Права гражданские в действии своем суть независимы от прав политических, принадлежащих особенным состояниям» и «Закон государственный определяет, кому и в какой мере принадлежат права гражданские»²⁵.

В проекте 1814 года эти статьи были переставлены местами и сформулированы несколько по-другому. Во втором параграфе теперь говорилось: «Закон государственный определяет, в какой мере права гражданские принадлежат каждому по его состоянию»²⁶. Третий параграф получил следующее содержание: «Права гражданские сами по себе никому не сообщают прав политических, присвоенных особенным состояниям»²⁷.

По предложению председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала князя Н.И. Салтыкова было решено обсуждать все три части проекта Гражданского уложения один день в неделю (по

²³ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 1.

²⁴ Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814. Стлб. 61.

²⁵ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 1.

²⁶ Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814. Стлб. 61.

²⁷ Там же.

средам). И общее собрание Государственного совета этому правилу обыкновенно следовало. Последнее его заседание, посвященное обсуждению параграфов данного проекта, состоялось 8 марта 1815 года²⁸. На нем было принято решение начать рассмотрение проекта Гражданского уложения заново и проводить его с помощью сводов существующих узаконений и «всех рассуждений, бывших по предмету Гражданского уложения, как в Комиссии составления законов, так и в департаменте законов и в общем собрании Государственного совета»²⁹. Кроме того, чтобы облегчить сравнение проекта Гражданского уложения с действующими гражданско-правовыми узаконениями Российской империи общее собрание Государственного совета признало необходимым их своды напечатать. Подготовка данных сводов и печатание их требовало значительного времени. Поэтому новое обсуждение проекта Гражданского уложения в Государственном совете было отложено.

В 1821 году Комиссия составления законов завершила составление и печатание собрания российских узаконений, относящихся к первым двум частям проекта Гражданского уложения. В связи с этим 3 ноября указанного года император Александр I повелел внести данный проект на новое рассмотрение в Государственный совет, объявив при этом, что «порядок рассуждений сохраняется тот же, какой был при первоначальном рассмотрении Гражданского уложения»³⁰. В течение осени 1821-го и на протяжении 1822 года в Государственном совете были рассмотрены все 1343 параграфа трех частей проекта Гражданского уложения варианта 1814 года. Из них 821 параграф был возвращен в Комиссию составления законов для переработки. На этом

²⁸ Архив Государственного совета. Том 4. Стлб. 162.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. III.

история данного проекта и оборвалась. До кончины императора Александра I Комиссия не смогла завершить свою работу по исправлению параграфов, не принятых по разным причинам Государственным советом. А после того, как на российский престол взошел император Николай I, трудам по систематизации гражданских узаконений, как впрочем всего вообще российского законодательства, было дано другое направление, приведшее к составлению Полного собрания и Свода законов Российской империи.

Материалы обсуждения проекта Гражданского уложения в Государственном совете, письменные мнения о нем, разного рода пояснения, раскрывающие смысл его параграфов сохранились, пусть и далеко не во всем объеме. Часть их напечатана в различных изданиях, но огромная их масса остается в архивах. Между тем все эти материалы, мнения, пояснения показывают предельно отчетливо состояние разработки теоретической основы гражданского, его основополагающих понятий, принципов, институтов.

Как уже говорилось, текст проекта Гражданского уложения начинался с определения понятия гражданских прав. С обсуждения этого понятия началось рассмотрение проекта Гражданского уложения в Государственном совете. С определения понятия гражданских прав М.М. Сперанский начал свои «изъяснения» к составленному им в 1809 году проекту Гражданского уложения. «Предмет первой главы Гражданского уложения, — пояснял он, — есть определить: 1) в чем состоят права гражданские, и означить различие их от прав политических, 2) означить, каким образом они

приобретаются и теряются»³¹. Далее Сперанский давал определение прав гражданских, указывая, что «всякое сношение одного лица с другим, где закон гражданский может вступать в посредство установлением или прещением, есть предмет гражданского права»³². При этом Михаил Михайлович отмечал: «Определение прав гражданских в отвлеченном их смысле представляет немаловажные затруднения. В составе сего определения весьма трудно соединить два необходимых свойства закона: точность и совершенную вразумительность... В государствах, где понятия о правах вообще укоренились долговременным юридическим учением, не представлялось нужным искать сего определения. Есть понятия, кои лучше определяются обычаем и преданием, нежели словами. Но у нас понятия сии еще не имеют точного и общенародного определения. Посему Комиссия³³ признала лучшим означить, по крайней мере, главные признаки, по коим можно каждому в случае нужды удостовериться, что именно разумеет закон под именем прав гражданских, нежели оставить сие, так сказать, на угад и без всякого руководства»³⁴.

- 2 -

«Изъяснения» М.М. Сперанского на первые статьи проекта Гражданского уложения Российской империи 1809 года необыкновенно интересное произведение. Своими комментариями к

³¹ Изъяснения М. М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. 1810–1812 гг. // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 1251. Бумаги М. М. Сперанского. Оп. 1. Часть 1. Д. 9. Л. 2.

³² Там же. Л. 2об.

³³ М. М. Сперанский имеет здесь в виду Комиссию составления законов, которую возглавлял, и в рамках которой составлялся первоначальный проект Гражданского уложения.

³⁴ Там же. Л. 4об.-7.

тексту этого документа Михаил Михайлович стремился восполнить отсутствие в России науки гражданского права и проистекавшую отсюда неразвитость гражданско-правового понятийного и терминологического аппарата. Значительную часть содержания указанных «Изъяснений», предназначавшихся, скорее всего, для членов Государственного совета, составило изложение теоретических и практических оснований норм проекта Гражданского уложения, сопровождавшееся экскурсами в правовую жизнь Древнего Рима и сравнениями институтов российского права с аналогичными институтами в праве западноевропейских стран. В результате получилось сочинение, которое более похоже на учебник по российскому гражданскому праву начала XIX века, нежели на простой комментарий к проекту Гражданского уложения. Его текст хранится в Российском государственном историческом архиве, начертанный в тетради небольшого формата объемом 132 листа. Насколько мне известно, он до сих пор нигде не публиковался. А между тем ни в одном другом документе состояние российской гражданско-правовой мысли эпохи царствования императора Александра I не выразилось яснее и полнее, чем в «Изъяснениях» М.М. Сперанского на текст проекта Гражданского уложения 1809 года, написанных примерно в 1810–1812 годах.

Статья 3 данного проекта гласила: *«Закон государственный определяет, кому и в какой мере принадлежат права гражданские»*³⁵. Поясняя ее смысл, М.М. Сперанский писал: «Статья третья определяет степень прав гражданских, заимствуя меру их от закона государственного. Положение сие основано на самой существенной

³⁵ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 1.

связи и зависимости законов гражданских от законов государственных. Тщетно некоторые писатели старались произвести гражданское право от естественного. Истинный источник его есть право государственное³⁶. Так, например, права наследства и завещания в разных государствах учреждаются разнообразно, но везде учреждают по различному свойству законов государственных и доколе сохраняют они сие отношение, ничто не может обличить их в несправедливости. Из сего видно, что закон государственный один может определить меру прав гражданских. Мера сия как необходимость поставляла известные степени в правах гражданских. Так, например, дети несовершеннолетние, лица, под законным прещением состоящие, неоплатные должники и тому подобные, не могли иметь гражданских прав во всем их пространстве. Кольми паче в государствах, где допускается различие прав политических, необходимо должно допустить постепенность прав гражданских»³⁷.

Как известно, древнеримские юристы понимали под гражданским правом (*ius civile*) все право, действующее в государстве³⁸. Столь широкое понимание содержания гражданского права доминировало в западноевропейской цивилистике XVIII – начала XIX века, опиравшейся в значительной мере на произведения древнеримских юристов. Так, немецкий правовед А. Ф. Ю. Тибо делил общее гражданское право на три части: уголовное право, камеральное и полицейское.

³⁶ Сперанский ссылается здесь на французского мыслителя Шарля Луи Монтескье (1689–1755).

³⁷ Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. 1810–1812 гг. // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 1251. Бумаги М.М. Сперанского. Оп. 1. Часть 1. Д. 9. Л. 7об.–9а.

³⁸ См.: Дигесты Юстиниана. Кн. 1. Титул 1. § 7, 9.

Российские правоведы начала XIX века также понимали под гражданским правом, как правило, совокупность всех законов, изданных государственной властью и действующих в гражданском обществе, — как тех, что, регулируют отношения между государственной властью и гражданами, так и регулирующих отношения между гражданами. Поэтому наряду с термином «гражданское право» они употребляли словосочетание «частное гражданское право», которое противопоставлялось «государственно-публичному гражданскому праву».

Г. И. Терлаич называл предметом права частного гражданского «взаимные отношения частных людей, определяемые положительными законами»³⁹. При этом он пояснял, что «главные части права гражданского суть: 1. *право лиц*, 2. *право вещное*, 3. *право личное*»⁴⁰. Отсюда можно сделать вывод, что словосочетание «частное гражданское право» применялось им в качестве синонима термина «гражданское право». Однако, во второй части своей книги правовед показывал, что проводит между ними четкое различие. «Гражданское право, — объяснял он, — называется так потому, что оно предполагает уже существующим именно гражданское общество людей, живущих и действующих под защитой Высочайшей учрежденной власти, которая обеспечивает права онаго; а частным гражданским правом называется оно потому, что оно определяет права частных людей между собою, в противоположности гражданского же, но

³⁹ Терлаич Г. И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. В двух частях. СПб., 1810. Ч. 1. С. 95.

⁴⁰ Там же.

государственного права, определяющего отношения государя к подданным, и подданных к высочайшему Его Лицу»⁴¹.

Подобное различие между «гражданским правом» и «частным гражданским правом» проводил и В. Г. Кукольник, когда писал в «Начальных основаниях российского частного гражданского права», что среди гражданских законов «иные определяют отношение между верховною властью и подданными; также постановления в рассуждении образа правления государства и нужных средств к благоуспешному достижению общественной цели; иные определяют взаимные отношения граждан между собою по их лицам и имуществам. Совокупность первых составляет *государственно-публичное*; сих же последних *частное гражданское право*»⁴².

Между тем в официальных юридических документах Российской империи понятие гражданского права отличалось от понятия государственного права. Так, в изданном императрицей Екатериной II в 1767 году «Генерал-прокурорском Наказе при Комиссии о составлении проекта нового уложения, по которому и Маршалу поступать» давался перечень «разных родов законов», управляющих людьми и в нем «право гражданское» называлось как самостоятельная, обособленная от государственных законов отрасль законодательства. При этом оно трактовалось как право, «по которому каждый гражданин может защищать свое имение и жизнь от нападков другого гражданина»⁴³. В одиннадцатой статье «Генерал-прокурорского

⁴¹ Терлаич Г. И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. СПб., 1810. Ч. 2. С. 9–10.

⁴² Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию онаго на публичных курсах. СПб., 1813. С. 4–5.

⁴³ Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта нового уложения, по которому и Маршалу поступать от 30 июля 1767 г. // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство

наказа» различие между гражданским правом и государственным проводилось еще более отчетливо: «Вещей, зависящих от начальных правил гражданского права, не надлежит учреждать по правилам государственного права. Последнее подтверждает им вольность, а первое — собственность... Не должно решить по правилам права гражданского, когда дело идет, дабы что решено было по правилам государственного права»⁴⁴.

В Комиссии составления законов, от которой официально происходил проект Гражданского уложения 1809 года, еще в 1804 году утвердилось понимание гражданских законов в смысле законов, регулирующих исключительно права частных лиц. Именно в таком смысле они представлялись, например, в плане «Книги законов», над созданием которой работала в то время указанная Комиссия. «Государственное постановление или законы внутреннего устройства» были включены в первую часть данной «Книги», а изложение «общих гражданских законов» предусматривалось в третьей ее части⁴⁵, которая делилась в свою очередь на три отделения:

- 1) «О лицах, о правах и обязанностях к лицам относящихся».
- 2) «О деяниях, о правах и обязанностях, от того проистекающих»⁴⁶.
- 3) «О вещах и правах с оными сопряженных»⁴⁷.

императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2011. С. 107.

⁴⁴ Там же. С. 109.

⁴⁵ Доклад Министерства юстиции о преобразовании Комиссии составления законов, высочайше утвержденный Его Императорским Величеством и выписка из поднесенных его Императорскому Величеству присутствием Комиссии рапортов об успехе трудов ее по Высочайшему повелению переведенная на разные языки. Ч. 1. СПб., 1804. С. 39.

⁴⁶ Там же. С. 42.

⁴⁷ Там же. С. 44.

Проект Гражданского уложения 1809 года и написанные М. М. Сперанским «Изъяснения» на его статьи выражали понимание гражданского права как отрасли законодательства, регулирующей, в отличие от государственного права, исключительно частные отношения между людьми. Однако эти отношения касались как имущества, так и личного статуса, а основы последнего устанавливались публично-правовыми по своей сущности нормами. Поэтому, обособляя гражданское право от государственного по предмету правового регулирования, Сперанский вместе с тем отмечал, что гражданско-правовой порядок базируется на государственных законах, которые определяют его устои и границы. «Три главные есть способа приобретения прав гражданских в России, — писал он в своих «Изъяснениях» на статьи проекта Гражданского уложения: — 1) рождение от российского подданного; 2) замужество с российским подданным и 3) укоренение при натурализации⁴⁸. Все сии три способа основаны на коренных наших законах. Означением сих способов разрешаются все вопросы, относящиеся к образу приобретения прав»⁴⁹.

Показав в статье 4 способы приобретения гражданских прав, проект Гражданского уложения 1809 года в последующих девяти статьях (с 6-й по 14-ю)⁵⁰ определил условия приостановления действия

⁴⁸ В данном случае М. М. Сперанский воспроизводил текст статьи 4 проекта Гражданского уложения 1809 г..

⁴⁹ Изъяснения М. М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. Л. 13–13об. В последующем пояснении этого вопроса Сперанский отмечал, что кроме трех вышеозначенных способов приобретения гражданских прав, есть четвертый: «он состоит в жительстве и пребывании в России» (там же. Л. 15об.)

⁵⁰ Статья 5 рассматриваемого проекта Гражданского уложения носила отсылочный характер: в ней указывалось, что «права гражданские, принадлежащие иностранцам, пребывающим в России, определяются особенно в главе о *Иностранцах*».

гражданских прав, их утраты и лишения. М. М. Сперанский в своих «Изъяснениях» остановился на основаниях лишения гражданских прав, уделив особое внимание осуждению по судебному приговору на смерть гражданскую или вечную ссылку и заточение, предусмотренному статьями с 9-й по 12-ю проекта Гражданского уложения 1809 года. Комментируя седьмой пункт статьи 12, установивший, что *«все гражданские последствия брака, прежде совершенного, считаются ничтожными»*, он счел необходимым заметить: «Между личными гражданскими правами важное место занимает брак. Должно ли считать его расторгнутым с осуждением одного из супругов на гражданскую смерть? Вопрос сей во многих законодательствах был предметом состязаний. С одной стороны, казалось, что установление, в коем порядок духовный [Российской] империи [имеет] столько же или более еще участия церкви, [чем] порядок гражданский, не должно быть разрушаемо одним гражданским законом, что закон сей во всех случаях должен благоприятствовать нравственным уважениям и не расторгать союза, который и после осуждения взаимным согласием существовать еще может, что, наконец, закон не должен поставлять жену, которая за осужденным следовать будет, в положение наложницы. Но с другой стороны, представляемо было, что приняв раз начало сравнения смерти гражданской с естественною, нельзя отвергнуть равенства в их последствиях, что закон снисходя к участи преступника или же на смерть осужденного, отяготил бы лицо невинное, признав брак нерасторгнутым; он наложил бы сим на него нравственное обязательство следовать в заточение; он поставил бы судьбу жены в странное противоречие или жить с мужем-преступником, или, оставив его, подвергнуть себя самопроизвольному брака расторжению

Спор сей законами нашими разрешен положительно. У нас никогда не предполагалось, чтоб жена обязана была следовать в ссылку за преступником. Она считается с сего времени вдовою и входит во все последствия, положению сему присвоенные. Но поелику законы, излагая здесь основание прав гражданских, не прилагаются к браку, как только в гражданских его отношениях: то в проекте Уложения и постановлено, что все гражданские последствия брака с потерей прав гражданских уничтожаются, не определяя впрочем, в каком положении остается самый брак, что изображено подробно в своем месте и именно в 260 §, где говорится о его расторжении»⁵¹.

Самую примечательную фразу в приведенном пространном комментарии М. М. Сперанского на заключительный пункт статьи проекта Гражданского уложения 1809 года составили слова: *«У нас никогда не предполагалось, чтоб жена обязана была следовать в ссылку за преступником»*. Пройдет полтора десятилетия и в России появятся жены, которые следование в ссылку за мужьями сочтут своей обязанностью и отправятся за ними в Сибирь, расставшись без какого-либо сожаления с комфортной жизнью в столице империи или в собственном имении. Причем их мужья будут приговором Верховного уголовного суда объявлены не просто преступниками, а государственными преступниками, поскольку их преступление будет состоять в мятеже против законного императора — главы Российской империи. В русскую историю этот мятеж войдет под названием «восстания 14 декабря 1825 года», а мятежники будут увенчаны, как терновым венцом, наименованием «декабристы».

⁵¹ Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. Л. 25об.-28об.

Любопытно, что творцом текста приговора, на основании которого тех из них, которых не казнят и не простят, отправят в сибирскую ссылку, выступит никто иной, как М.М. Сперанский⁵².

Комментируя в своих «Изъяснениях» проект Гражданского уложения 1809 года, Михаил Михайлович вынужден был в целом ряде случаев искать смысл его норм в общих категориях гражданского права. Это в свою очередь требовало более точных определений данных категорий. Так, поясняя статью 10 проекта, гласившую, что *«лишение прав политических не влечет с собою потери прав гражданских, когда в приговоре судебного осуждения именно сие не означено»*⁵³, Сперанский писал: «Точный смысл 10-й статьи зависит от того понятия, которое составлено вообще о правах гражданских. Право гражданское в точном его смысле есть не что иное, как способность обладать и располагать имуществом. Оно не есть право действительного владения, но способность ко владению. Два лица, из коих одно имеет обширную собственность, другое — малую или совсем ничего не имеет, имеют одинаково равное право гражданское. При браке, при покупке имений, при наследстве закон не воспрещает и не различает имущего от неимущего. Тот и другой все равно вступают в брак, наследуют, приобретают по праву гражданскому»⁵⁴.

Такое уточнение сущности гражданских прав автору рассматриваемых «Изъяснений» понадобилось для того, чтобы ответить на вопросы: что приобретается и что теряется рождением, браком, вступлением в подданство.

⁵² См. об этом: Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 2013. С. 391–396.

⁵³ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 3.

⁵⁴ Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. Л. 30–30об.

Приобретается в данных случаях, пояснял Сперанский, «не всегда действительное обладание имуществом: ибо часто нет никакого имущества; но всегда [есть] способность к приобретению и обладанию имуществом»⁵⁵.

Теряется же с потерей прав гражданских, уточнял он, «также не всегда действительное обладание имуществом. Потеря действительного имущества есть только последствие сей последней потери. Лишенный прав гражданских лишается обладания своим действительным имуществом потому только, что он объявлен неспособным владеть каким-либо имуществом. Восстановление прав гражданских должно по необходимости следовать тому же правилу. Теряется способность к обладанию — следовательно, и восстанавливается не более как та же самая способность к обладанию. Но где же действительное имущество, которое с потерей способности обладания было потеряно? — Оно перешло к наследникам: ибо закон гражданский не предполагает ни секвестра в казну, ни конфискации. Обе сии меры давно уже отвергнуты нашими законами, даже и в самых важных преступлениях. Наследники могли его продать, прожить, уничтожить. Как можно возвратить его, да и по какому праву должно возвращать его? — Тот, кто лишился прав гражданских, лишился их не по насилию, но по вине своей; следовательно, должен по необходимости нести и все ее последствия»⁵⁶.

Очевидно, что помимо указанного случая, могла возникнуть и другая ситуация, влекущая восстановление гражданских прав — например, в результате установления факта осуждения невиновного. Если невиновность осужденного будет доказана, то за ним по самой

⁵⁵ Там же. Л. 31.

⁵⁶ Там же. Л. 31об.-33.

логике будут восстановлены гражданские права и, в частности, способность приобретать и обладать имуществом. Сперанский высказывал мнение, что в подобном случае должны, без сомнения, приниматься «меры к возвращению и вознаграждению того имущества, которое с потерей прав гражданских было действительно потеряно. Правило сие неоспоримо: вопрос только может быть о том, где приличное ему место. Гражданское уложение не определяет и не может определять действий Верховной власти. Оно ограничивается только теми предметами, кои входят в судебное разбирательство. Кто лишен прав гражданских действием Верховной власти, тот единственно тою же властью и восстановлен быть может. На сие не можно постановить никаких правил. Но кто лишен гражданских прав судебным порядком, тот тем же порядком и восстановлен быть должен. Способы к сему открываются и определяются в двух главах Судебного устава⁵⁷: по делам тяжбы, в главе о тяжбыных убытках от неправильных обвинений»⁵⁸.

Приведенное рассуждение М. М. Сперанского показывает, что текст проекта Гражданского уложения 1809 года предполагал совершенно определенное понимание сущности гражданского права

⁵⁷ М.М. Сперанский имеет в виду проект Устава гражданского судопроизводства, который предполагалось разработать в Комиссии составления закона вместе с Уставом уголовного судопроизводства и Уставом устройства судебных мест после завершения работы над проектом Гражданского уложения. 29 февраля 1816 г. тогдашний главноуправляющий Комиссией составления законов князь П.В. Лопухин доложил императору Александру I, что Комиссия «привела к окончанию» только первую часть Устава гражданского судопроизводства, а два других судебных устава только планирует разработать. См.: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2011. С. 232–233.

⁵⁸ Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. Л. 33–35об.

в качестве самостоятельной отрасли российского законодательства, а также общего смысла субъективных гражданских прав.

По господствовавшему в то время в российской научной юриспруденции воззрению на гражданское право, оно включало в себя и гражданское судопроизводство. Так, например, В. Г. Кукольник науку частного гражданского права делил на две части. «Предметы частного гражданского права, — писал он, — суть: *лица, вещи и деяния граждан*, к коим должно отнести также *обряды практического судопроизводства*»⁵⁹. Содержание книги В. Ф. Вельяминова-Зернова «Опыт начертания российского частного гражданского права» показывает, что и он понимал под этим термином совокупность законов, регулирующих отношения между гражданами по их лицам и имуществам, а также обряды гражданского судопроизводства⁶⁰.

Уставы Московского, Казанского и Харьковского университетов, высочайше утвержденные 5 ноября 1804 года, предусмотрели в перечне кафедр нравственного и политического отделения (юридического факультета) кафедру «прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи»⁶¹. На практике в

⁵⁹ Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию онаго на публичных курсах. СПб., 1813. С. 10. Во втором издании данной книги он писал: «Частное гражданское право как предмет правоучения должно заключать в себе: 1) изложение законов, определяющих отношение между гражданами по их лицу и имуществу, 2) изложение обряда гражданского судебного делопроизводства по существующим на то государственным узаконениям» (Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. В двух частях. Ч. 1. Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и деяниям. СПб., 1815. С. 24–25).

⁶⁰ Вельяминов-Зернов В. Ф. Опыт начертания российского частного гражданского права. В двух частях. Ч. 1. Право лиц. СПб., 1814. Ч. 2. Обряд гражданского судебного делопроизводства. СПб., 1815.

⁶¹ См. об этом подробнее: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. С. 53.

рамках этой кафедры преподавались также гражданское право и уголовное.

М. М. Сперанский в составленном им проекте Гражданского уложения и в своих «Изъяснениях» на его статьи исходил из понимания гражданского права как совокупности исключительно материальных правовых норм и не считал гражданское судопроизводство его неотъемлемой частью. Об этом свидетельствует уже само содержание составленного им варианта Гражданского уложения.

Первая его часть, напечатанная в 1809 году, была посвящена правовому статусу лиц. Вторая часть, опубликованная в 1810 году, — имуществу⁶², третья часть, вышедшая в печатном виде в 1812 году, — договорам⁶³.

Структура первой части проекта Гражданского уложения редакции 1809 года была похожа на структуру первой книги Гражданского кодекса французов 1804 года. Это сходство навлекло на М. М. Сперанского обвинения в том, что он заимствовал порядок расположения материала и сами нормы своего проекта из французского кодекса. Историк русского права А. Н. Филиппов утверждал даже, что Сперанский пытался создать Гражданское уложение для России «едва ли не целиком по чужому образцу, с полным игнорированием правооснов своего законодательства»⁶⁴. На самом деле порядок расположения правовых норм в первой части проекта Гражданского уложения был определен в большей мере не

⁶² Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 2. Об имуществах. СПб., 1810.

⁶³ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. О договорах. СПб., 1812.

⁶⁴ Филиппов А. Н. Сперанский как кодификатор русского права // Русская мысль. 1892. Кн. 10. С. 207.

заимствованием из Гражданского кодекса французов 1804 года, а природой такого правового явления, как физическое лицо. Посвятив ему начальную часть своего проекта Гражданского уложения, Сперанский был бы вынужден и при полном своем нежелании следовать образцу французского кодекса включить в нее нормы о гражданских правах, их приобретении и лишении, о правах иностранцев и т. д. Приняв же за аксиому, что физическое лицо выступает в общественных отношениях не только в качестве члена гражданского общества, но и как член семьи, он должен был бы со всей неизбежностью привести в первой части своего проекта нормы о заключении и расторжении брака, о правах и обязанностях супругов, о статусе законных и незаконнорожденных детей, об опеке и попечительстве и т. д.

Тем не менее некоторое влияние французского Гражданского кодекса на содержание составленного Сперанским проекта Гражданского уложения трудно отрицать. Так, в статье 237 говорилось: «Муж, яко глава своего семейства, должен покровительствовать свою жену и имеет право располагать деяниями ее во всех отношениях супружества»⁶⁵. «Жена должна уважать своего мужа и повиноваться ему во всем, что он, яко глава семейства, имеет власть повелевать и учредить» – гласила статья 238. В Гражданском кодексе французов характер отношений супругов декларировался в статье 213 первой книги, причем весьма короткой формулой: «Муж обязан оказывать покровительство своей жене, жена – послушание

⁶⁵ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 83–84.

мужу»⁶⁶. Сравнение приведенных статей показывает, что Сперанский заимствовал в данном случае не норму французского кодекса, а ее стиль — сухой и жесткий.

В действовавшем в то время русском праве отношения между мужем и женой определялись более мягким и душевным стилем. «Устав Благочиния или Полицейской», утвержденный императрицей Екатериной II в 1782 году, объявлял в качестве «правил обязательств общественных»: «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляет ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина. Жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу; и да оказывает ему всякое угождение и привязанность аки хозяйка»⁶⁷.

Почему Сперанский проигнорировал при составлении проекта Гражданского уложения эту сформулированную в духе традиционного русского права норму Устава благочиния 1782 года, трудно объяснить. Возможно, он считал ее содержание и стиль подходящими более для морального наставления, нежели для гражданского кодекса.

- 3 -

Если характер отношений между супругами определялся в проекте Гражданского уложения Российской империи 1809 года в манере сходной с той, которая была применена для этого в

⁶⁶ «Le mari doit protection à sa femme, la femme obeissance à son mari» (Code civil de français.Édition originale et seule officiele. À Paris: De l'imprimerie de La République, An XII. — 1804. P. 41).

⁶⁷ Устав Благочиния или Полицейский. 8 апреля 1782 года // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2011. С. 298.

Гражданском кодексе французов 1804 года, то условия развода формулировались в проекте не по французскому образцу, а исключительно в духе русской правовой культуры.

Гражданский кодекс французов устанавливал в качестве оснований для развода прелюбодеяние⁶⁸, злоупотребление (*excès*), грубое обращение или тяжелые обиды (*séVICES ou injures graves*) одного из супругов в отношении другого, а также «взаимное и упорное согласие супругов, выраженное способом, предписанным в законе, при соблюдении условий и после испытаний, определенных им»⁶⁹.

Проект Гражданского уложения Российской империи 1809 года предусматривал в статье 273 только две причины для развода:

- «1) доказанное преступление одного супруга против другого, подвергающее обвиняемого суду уголовному, и
- 2) в особенности прелюбодеяние»⁷⁰.

Статья 274 данного проекта устанавливала, что «сверх преступлений, влекущих за собой гражданскую смерть или вечную ссылку, и расторгающих брак по самому действию такового осуждения, следующие преступления, лично к супругам относящиеся дают право невинному просить развода:

1. Покушение одного супруга на жизнь другого.

⁶⁸ Согласно Гражданскому кодексу французов 1804 г., «муж мог требовать развода по причине прелюбодеяния жены (*Le mari pourra demander le divorce pour cause d'adultère de sa femme*)» (ст. 229), но жена могла требовать развода «по причине прелюбодеяния мужа, если он держал свою сожительницу в общем доме (*pour cause d'adultère de son mari, lorsqu'il aura tenu sa concubine dans la maison commune*)» (ст. 230). См.: *Code civil de français. Édition originale et seule officielle. À Paris: De l'imprimerie de La République, An XII. — 1804. P. 43.*

⁶⁹ «*Le consentement mutuel et perseverant des époux, exprimé de la manière prescrite par la loi, sous les conditions et après les épreuves qu'elle determine*» (*ibidem*).

⁷⁰ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. Часть 1. СПб., 1809. С. 94.

2. Тяжкие обиды, производящие уголовный иск; таковы суть:

- а) ложный донос в уголовном преступлении; б) ложное обвинение жены в прелюбодеянии; в) насильственное похищение ее имущества;
- г) заточение и вообще лишение личной ее гражданской свободы.

3. Побег и укрывательство жены от мужа»⁷¹.

В статье 275 проекта указанные поводы объявлялись исчерпывающими все основания для развода. Статья 276 предусматривала, что вина супруга в совершении преступлений, упомянутых в статье 274, должна была сначала доказываться судом. Окончательное же решение вопроса о разводе надлежало принять духовному начальству на основании судебного приговора и по требованию супруга, ставшего жертвой преступления.

Основания развода, изложенные в проекте Гражданского уложения Российской империи 1809 года, были заимствованы из мнения Святейшего синода «о разводах брачных», приведенного в его Наказе синодальному члену Комиссии, сформированной в 1767 году для разработки проекта нового Уложения⁷². В этом документе говорилось, в частности: «Когда муж или жена будут искать вечного между собою развода, в таком случае мужу на жену, или жене на мужа представлять с явным близким доказательством одни только до

⁷¹ Там же. С. 94–95. В редакции проекта Гражданского уложения Российской империи 1814 г. были оставлены следующие поводы к разводу (§ 266):

«1) Покушение одного из супругов на жизнь другого. 2) Ложный донос в уголовном преступлении. 3) Ложное обвинение в прелюбодеянии. 4) Побег жены от мужа» (Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814. С. 88).

⁷² О том, что Комиссия составления законов при составлении шестой главы проекта Гражданского уложения, посвященной браку, «соображалась с наказом, который от Св. Синода в 1767 г. депутату его был дан», признал при начале обсуждения этой главы в Государственном совете 1 февраля 1810 г. тогдашний директор указанной Комиссии М.М. Сперанский. См.: Архив государственного совета. Том 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. СПб., 1874. Стлб. 9.

прелюбодеяния касающиеся причины, по которым, по слову Божию, равно осуждаются муж и жена»⁷³. Святейший Синод объявил прелюбодеяние главным поводом для развода, однако вместе с тем предусмотрел в своем Наказе и другие поводы для него. Основаниями для развода могли стать, по мнению Синода, такие преступления, как:

- 1) умысел одного из супругов на жизнь другого,
- 2) причинение мужем жене побоев и мучений,
- 3) самовольная отлучка жены,
- 4) отнятие мужем у жены имения⁷⁴.

Кормчая книга, служившая в то время источником правовых норм о браке и разводе, предусматривала двенадцать поводов к разводу⁷⁵, однако Святейший Синод в своем Наказе 1767 года многие из них отверг. При обсуждении главы проекта Гражданского уложения, посвященной брачно-семейному праву, в Государственном

⁷³ Наказ от Святейшего Правительствующего Синода избранному, в силу Высочайшего Ее Императорского Величества опубликованного от 14 декабря 1766 года Манифеста, к Комиссии сочинения проекта нового Уложения депутату, синодальному члену, преосвященному Дмитрию, митрополиту Великоновгородскому и Великолуцкому // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 43. СПб., 1885. С. 60.

⁷⁴ Дословно в Наказе Святейшего Синода говорилось об этом следующее: «Если жены на мужей, кроме вины прелюбодеяния будут жалобы свои приносить в бою, мучениях, в отнятии имений и в смертных на живот их умыслах, а от мужьев на жен о самовольных от них отлучках, побегах и укрывательстве, а также и о умыслах на живот их, таким делам судимым быть в светских командах, где и о имениях их разбирать и винное лицо наказывать по законам, и по окончании оных, если то окажется, что они в супружестве отнюдь быть не хотят, и в том непримиримы остаются, и если будут в разных домах жить, друг от друга самовольно разлучась, то об оном из светских команд представлять в духовные, с ясным о всем между ими происхождении показанием обще и с судящимся обоими лицами» (там же. С. 61–62).

⁷⁵ К ним относились, например: доказанная неспособность к деторождению в течение трехлетнего пребывания в браке; пятилетнее безвестное отсутствие; прелюбодеяние жены или мужа; умысел жены на жизнь мужа или утайка от него такого умысла, предпринятого другими; отсутствие жены в течение ночи, без согласия мужа, в его доме или в доме родителей и т.д. См.: Архив государственного совета. Том 4. Стлб. 22.

совете в феврале 1810 года Синод предложил сделать еще более радикальную реформу развода, оставив для него только одну причину – прелюбодеяние. «В коренных церковных законах нет другой причины развода, кроме словесе прелюбодеяния»⁷⁶, – говорилось во мнении Синода, представленном в Государственный совет. Однако Департамент законов Государственного совета, в котором обсуждалась первая часть проекта Гражданского уложения, отдал предпочтение предыдущему мнению Синода, изложенному в Наказе 1767 года, указав, что если следовать последнему его мнению и «исключить из причин развода все те преступления, кои в первом мнении того же самого Синода были допускаемы, тогда может из сего произойти в брачных союзах такое стеснение, коего доселе не бывало»⁷⁷.

Приведенный пример показывает, что при составлении проекта Гражданского уложения в качестве материала для него использовались не только нормы действующего российского законодательства, но и те, которые лишь предполагалось ввести в действие. В процессе обсуждения данного проекта в Государственном совете его статьи оценивались прежде всего с позиции их соответствия реальной жизни.

Первая часть проекта Гражданского уложения, опубликованная в 1809 году, состояла из 535 параграфов, объединенных в одиннадцать глав. Она не имела названия, но содержание подавляющего большинства ее норм было посвящено праву лиц⁷⁸. Рассмотрение данной части в Департаменте законов Государственного совета

⁷⁶ Там же. Стлб. 23.

⁷⁷ Там же. Стлб. 25.

⁷⁸ Новая редакция первой части проекта Гражданского уложения, изданная в 1814 г., включала в себя четырнадцать глав и носила название «О праве личном».

проходило с января по май 1810 года. В июне–июле того же года ее текст обсуждался в Общем собрании Государственного совета и был одобрен.

* * *

Вторая часть проекта Гражданского уложения, изданная в 1810 году, имела название «Об имуществах». Она была намного обширнее первой: в ее состав входило 29 глав и 438 статей. В Гражданском кодексе французов 1804 года этой части проекта российского гражданского уложения соответствовали книга вторая и первые два титула книги третьей.

Ключевыми нормами второй части проекта Гражданского уложения Российской империи были параграфы второй и третьей глав, посвященные праву владения и праву собственности.

Вторая глава второй части проекта Гражданского уложения (§ 10–22) называлась «О владении вообще и его последствиях»⁷⁹. Сперанский отступил здесь от системы Гражданского кодекса французов, в котором нормы о владении излагались во второй главе двадцатого титула третьей книги⁸⁰. Не воспринял он и содержания французских норм о владении. В Гражданском кодексе французов владению было посвящено всего 8 статей, в проекте российского Гражданского уложения – 13 параграфов, в которых проводилось различие между разновидностями владения (законным и

⁷⁹ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 2. Об имуществах. СПб., 1810. С. 4–10.

⁸⁰ См.: Code civil de français. P. 408–409.

незаконным)⁸¹, устанавливалась ответственность незаконного и недобросовестного владельца.

Параграф 21 указывал, что в главе «О давности» было постановлено, «в каких случаях владение спокойное и непрерывное, хотя бы оно было в начале своем и незаконное, по прошествии определенного времени обращается в полную законную собственность»⁸².

22-й, заключительный, параграф второй главы устанавливал, что «обладание как движимым, так и недвижимым имуществом, составляет или *право собственности*, или *обладание срочное*, или, наконец, *обладание в виде повинности*»⁸³.

Третья глава второй части проекта Гражданского уложения состояла всего из 4 параграфов (с 23-го по 26-й). Параграф 23 раскрывал содержание общего понятия права собственности. В нем говорилось: **«Собственность составляет самое полное право пользоваться и распоряжаться имуществом по произволу, токмо не в противность общим государственным законам и без нарушения прав другого»**⁸⁴. В следующем параграфе было отмечено, что «право собственности есть само по себе право непрерывное и потомственное, хотя бы в акте, собственность установляющем, и не было о потомстве упомянуто»⁸⁵. Параграф 25 декларировал независимость собственности. Он гласил: «Никто не может быть принуждаем к

⁸¹ § 11 второй части проекта Гражданского уложения гласил: «Законное владение есть то, которое утверждается на крепостях или других законных доказательствах». В § 12 утверждалось правило: «Всякое владение считается законным, если противное судом не доказано» (Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 2. С. 4–5).

⁸² Там же. С. 10.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 2. Об имуществах. СПб., 1810. С. 11.

⁸⁵ Там же.

отчуждению законной своей собственности или к ограничению оной в пользу другого, разве в существе самой крепости обладания будет именно о том постановлено»⁸⁶.

Параграф 26 второй части проекта Гражданского уложения Российской империи, изданного в 1810 году, предусматривал возможность ограничения права собственности ради интересов государства и общества. В нем устанавливалось: «Когда государственная нужда или польза в случаях, *законом установленных*, потребует отчуждения частной собственности на общественное употребление: тогда прежде всего: 1) она должна быть оценена *установленным законами порядком*; 2) должно быть постановлено и произведено следующее по сей оценке вознаграждение, и потом уже 3) она может поступить в распоряжение правительства»⁸⁷.

Любопытно, что все приведенные статьи без каких-либо изменений вошли и в новую редакцию проекта Гражданского уложения Российской империи, изданную в 1814 года.

Общее понятие права собственности, представленное в параграфе 23 проекта второй части Гражданского уложения, опубликованного в 1810 году было явно сформулировано Сперанским по образцу статьи 544 Гражданского кодекса французов 1804 года, гласившей: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, если только осуществление этого права не делается запрещенным законами или регламентами»⁸⁸

⁸⁶ Там же. С. 11–12.

⁸⁷ Там же. С. 12.

⁸⁸ В хрестоматиях по истории государства и права зарубежных стран данная статья приводится обыкновенно в переводе И. С. Перетерского, в котором, на мой взгляд, допущено несколько серьезных ошибок. См. об этом: *Томсинов В. А.* Статьи о праве собственности в гражданских кодексах Франции и Германии // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2007. № 2. С. 108–111.

(La propriété est le droit de jouir et disposer des choses de la manière la plus absolue, pourvu qu'on n'en fasse pas un usage prohibé par les lois ou par les règlements)»⁸⁹. Французское словосочетание «la plus absolue» было в тексте параграфа 23 второй части проекта Гражданского уложения Российской империи представлено словами «самое полное», которые придали трактовке права собственности смысл, несколько отличавшийся от того, который в действительности был заложен в формулировке Гражданского кодекса французов 1804 года.

Вместе с тем в русском варианте определения собственности праву пользоваться и распоряжаться было добавлено ограничение, которое хотя и подразумевалось во французском кодексе, но прямо не декларировалось в статье 544: его выразили заключительные слова параграфа 23 русского проекта Гражданского уложения – «без нарушения прав другого».

Любопытно, что М. М. Сперанский, под руководством которого и скорее всего при большом его участии составлялась вторая часть проекта Гражданского уложения, считал понимание права собственности, данное в указанной статье Гражданского кодекса французов, совершенно ложным. Во время трудов над Сводом законов Российской империи во Втором отделении Собственной Его Императорского величества канцелярии им было написано для каждого чиновника, участвовавшего в них, предварительное обозрение той части Свода, с которой тот должен был работать. Среди бумаг М. М. Сперанского сохранились рукописи «Введения к Своду гражданских законов» и обозрение книг и глав этого Свода, начиная со второй книги, посвященной разным родам имущества, различию

⁸⁹ Code civil de français. P. 100. Также см.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. 2-е издание, дополненное / Составитель: профессор В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2012. С. 258.

прав на них и личной способности к их приобретению. В 1859 году тексты указанного «Введения» и обзора книг Свода гражданских законов со второй по шестую были опубликованы Н. В. Калачовым в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России» под общим названием «Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских»⁹⁰.

В обзоре второй главы второй книги Свода гражданских законов М. М. Сперанский считал необходимым дать свои пояснения к понятию права собственности, которое он обозначил латинским термином «dominium». «Право собственности, — отметил он, — имеет: 1) тот, кто может доказать, что он приобрел имущество в таком состоянии, в коем оно никому не принадлежало (*res nullius*), и, следовательно, он был самым первоначальным. Сей образ приобретения именуется первообразным.

Или 2) тот, кто может доказать, что имущество дошло к нему от первого приобретателя последственно посредством законных передач, вместе с доказательством первоначального его приобретения. Сей образ приобретения именуется производным...

Сие понятие о праве собственности есть одно строгое, юридическое; все другие суть или ложные или поверхностные; отсюда смешение и споры между юристами нескончаемые»⁹¹.

В качестве примера совершенно ложного понятия о праве собственности Сперанский привел определение Гражданского кодекса французов 1804 года: «*La propriété est le droit de jouir et disposer des choses de la manière la plus absolue...*». Поясняя эту свою оценку, он выразил следующую мысль: «В праве собственности

⁹⁰ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 2 (с приложением). СПб., 1859. С. 1-26.

⁹¹ Там же. С. 10.

заключается: 1) пользование, 2) распоряжение или передача; но самое право собственности не состоит ни в пользовании, ни в передаче, ибо оно может быть от них отделено. Можно уступить другому пользование, можно вверить другому распоряжение имуществом и оставаться однако же в праве собственности. Это называется *dominium nudum*, и однакоже *dominium*; доколе не передано другому первоначальное укрепление, доколе остается *dominium penes dominum*.

Право собственности есть полное, когда пользование и распоряжение остаются с ним соединенными; неполное, когда они отделяются»⁹².

Приведенные рассуждения М. М. Сперанского о существовании права собственности легли в основу статьи 262 десятого тома Свода законов издания 1832 года, гласившей: «Кто быв первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого ее приобретателя дошла непосредственно или чрез последующие законные передачи и укрепления: тот имеет на сие имущество *право собственности*»⁹³.

⁹² Там же. С. 11.

⁹³ Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Свод законов гражданских и межевых. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1832. С. 61. В современной юридической литературе данная статья почему-то называется 420-й. Между тем в первой редакции десятого тома Свода законов Российской империи, напечатанной в 1832 г., она была именно 262-й, в редакции 1842 г. — 388-й и только в редакции 1857 г. стала 420-й.

Многие правоведы считают, что в этой статье давалось определение права собственности⁹⁴, однако в действительности в ней всего лишь назывались основные признаки, позволявшие установить лицо, имевшее на то или иное имущество право собственности.

Как бы то ни было, понятие о праве собственности, представленное в статье 262 десятого тома Свода законов издания 1832 года, заметно отличалось как от его определения в статье 544 Гражданского кодекса французов 1804 года, так и от его понятия, выраженного в параграфе 23 второй части проекта Гражданского уложения Российской империи, изданного в 1810 году. При этом и в Своде законов гражданских, и в проекте Гражданского уложения статьи, посвященные праву собственности формулировались лично М. М. Сперанским. Столь существенная перемена в его понимании права собственности, произошедшая за два десятилетия, необъяснима, если видеть в ней лишь эволюцию взглядов на данный правовой институт. Думается, немалое значение имело здесь различие между *уложением* и *сводом* как двумя формами организации правового материала.

Свод законов Российской империи создавался как систематизированное собрание действующих законов. Понятие собственности, представленное в нем, должно было соответствовать русской традиции правового регулирования имущественных отношений. А она довольно существенно отличалась от западноевропейской традиции. М. М. Сперанский писал по этому поводу: «От самой древности до времен наших российское законодательство действовало и возрастало собственными своими природными силами и, может быть, одно во всей Европе ничего почти

⁹⁴ См., например: *Бабаев А.Б.* Система вещных прав. М., 2006. С. 51.

непосредственно, и весьма мало посредством немецких законов, почерпало в общем источнике законов — в римском праве. Отсюда происходит не только в существе законов, но и в системе их, и еще более в языке судебном и деловом, столь резкое различие между законодательством европейским и российским, что соединить их нет почти никакой возможности, не переменяв обычаев, навыков, образа мыслей всех судей и делопроизводителей»⁹⁵.

Гражданское уложение Российской империи в проектах 1809–1814 годов создавалось в качестве систематизированного собрания новых норм, которые призваны были заменить или исправить действующие гражданские законы. М. М. Сперанский называл такое уложение «исправленным». Описывая в «Обзрении исторических сведений о своде законов» опыт деятельности в России на протяжении XVIII и первой четверти XIX века законодательных комиссий, он отмечал, что их труды «всегда колебались между двумя предположениями: составить Уложение сводное или составить Уложение исправленное. Под именем первого всегда разумели свод законов существующих, устроенный в виде Уложения, с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их. Под именем второго всегда также разумели свод законов существующих, устроенный в виде Уложения, но притом с дополнением и исправлением»⁹⁶. Как известно, император Николай I отдал предпочтение «уложению сводному», предписав Второму отделению своей канцелярии составить Свод действующих законов Российской империи, и по всей видимости, определенную роль в таком выборе сыграла неудачная

⁹⁵ Мысли графа М.М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1858. С. 8.

⁹⁶ [Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 69–70.

попытка создания «уложения исправленного», предпринимавшаяся в период правления императора Александра I.

* * *

Третью часть проекта Гражданского уложения Российской империи напечатали в 1812 году. Она была посвящена договорам и состояла из 19 глав и 393 параграфов. Логика изложения материала этой части соответствовала логике изложения норм договорного права во французском Гражданском кодексе — от общего к частному. В *первой* главе указанной части проекта излагались общие положения о договорах (§ 1–56). Дававшееся в них определение договора было сходно с тем, которое имелось в третьей книге ГКФ 1804 года (ст. 1101). Во *второй* главе приводились правила о купле-продаже (§ 57–99), в *третьей* — о мене (§ 100–102), в *четвертой* — «о рядных приданому росписях» (§ 103–111), то есть о договорах, оформляющих передачу приданного при заключении брака. *Пятая* глава проекта российского Гражданского уложения содержала нормы о найме (§ 112–141), *шестая* — правила «об отдаче на сохранение» (§ 142–157), в *седьмой* шла речь о договоре товарищества (§ 158–165), в *восьмой* говорилось «об уполномочии» (§ 166–184), в *девятой* — о ссуде (§ 185–189), в *десятой* — о займе (§ 190–239). Главы *одиннадцатая* и *двенадцатая* были посвящены залогу движимых и недвижимых имуществ (§ 240–280), *тринадцатая* — поручительству (§ 281–306). *Четырнадцатая* глава состояла из норм «о запрещениях» (§ 307–331), то есть о способах обеспечивать признанные претензии и те или иные права для доставления им преимущества перед другими обязательствами должника. В главе *пятнадцатой* говорилось о взысканиях (§ 332–344), в *шестнадцатой* — об удовлетворении должников по конкурсу (§ 343–363), в *семнадцатой* — о личном задержании (§ 364–365). *Восемнадцатая* глава была

отведена мировым сделкам (§ 370–378), а последняя — девятнадцатая по счету глава — состояла из норм о давности.

Первый параграф содержал следующее определение: «Договор есть постановление, коим два или многие лица взаимно обязуются в каком-либо определенном деле»⁹⁷. Эта формулировка представляла собой усеченный вариант того определения договора, которое давалось в статье 1101 Гражданского кодекса французов 1804 года: «Договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются, перед другим лицом или перед несколькими другими лицами, дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо (Le contrat est une convention par laquelle une ou plusieurs personnes s'obligent, envers une ou plusieurs autres, à donner, à faire ou à ne pas faire quelque chose)»⁹⁸.

Еще более отчетливо влияние Гражданского кодекса французов проявлялось в содержании § 3 третьей части проекта Гражданского уложения Российской империи. Он гласил: «К действительности каждого договора потребно:

1. Согласие договаривающихся лиц;
2. Личная способность к договору;
3. Определенный предмет договора;
4. Установленная форма»⁹⁹.

Приведенный текст являлся переложением с незначительными изменениями статьи 1108 Гражданского кодекса французов 1804 года. В ней говорилось: «Четыре условия являются существенными для действительности соглашения: согласие стороны, которая

⁹⁷ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. О договорах. СПб., 1812. С. 1.

⁹⁸ Code civil de français. P. 200.

⁹⁹ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 2.

обязывается; способность заключить договор; определенный предмет, составляющий содержание обязанности; дозволенное основание обязательства («Quatre conditions sont essentielles pour la validité d'une convention: le consentement de la partie qui s'oblige; sa capacité de contracter; un objet certain qui forme la matière de l'engagement; une cause licite dans l'obligation»)¹⁰⁰.

Параграф 4 третьей части проекта Гражданского уложения, объявлявший: «Все, что разрушает свободу согласия в договорах, делает самый договор ничтожным», соответствовал своим содержанием статье 1109 Гражданского кодекса французов, которая указывала: «Нет действительного согласия, если согласие было дано лишь вследствие заблуждения или если оно было исторгнуто насилием или достигнуто обманом (Il n'y a point de consentement valable si le consentement n'a été donné que par erreur ou s'il a été extorqué par violence ou surpris par dol)»¹⁰¹.

Многие последующие параграфы третьей части проекта Гражданского уложения также оказывались переложением соответствующих статей Гражданского кодекса французов. Однако в этой части проекта было и немало расхождений с французским образцом. И они представляют особый интерес, поскольку дают возможность выявить отличительные черты *русского юридического мышления*.

- 4 -

В новом варианте проекта Гражданского уложения, внесенном в декабре 1814 года в Государственный совет, текст третьей его части

¹⁰⁰ Code civil de français. P. 201.

¹⁰¹ Ibidem.

был оставлен в своем первоначальном виде, в котором он обсуждался в данном органе в 1812 году¹⁰².

27 января 1815 года при рассмотрении этого варианта документа в общем собрании Государственного совета министр юстиции действительный тайный советник Д. П. Трощинский зачитал присутствующим свою записку о составлении законов для Российской империи¹⁰³. «Проект Гражданского уложения, — отмечал в ней Дмитрий Прокофьевич, — давая всему особенные виды, отличается одним ему свойственным качеством, чтоб во всех старых законах делать переворот по своим мыслям; но отнюдь не по доброте местных обстоятельств отечества, освященных временем и верою... Я всегда буду одного мнения, что гораздо легче философу написать прекраснейшую систему законов, основываясь на общей теории, нежели составить самые законы, с достодолжным соображением местных обстоятельств. Изъясняясь о сем предмете в том самом виде, в каком он мне представился, не могу оставить в молчании, что полученное мною сличение проекта Гражданского уложения с Кодексом Наполеона родило во мне чувствительнейшее прискорбие. Сличение сие, без всякого пристрастия сделанное, удостоверяет меня, да и всякого может удостоверить, что рассматриваемый нами проект Гражданского уложения собственно есть испорченный перевод Наполеонова кодекса, с которым он в том только и разнствует, что многие части, переставленные с одних мест на другие, производят

¹⁰² См.: Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814. Стлб. 161–208.

¹⁰³ Мнение министра юстиции по части составления законов для Российской империи. 27 января 1815 года // Архив государственного совета. Том 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. СПб., 1874. Стлб. 124–149.

вящее замешательство в понятиях и сугубую недоверчивость к его духу»¹⁰⁴.

На самом деле проект Гражданского уложения Российской империи в обоих своих вариантах – и 1809 года, и 1814-го – не был каким-либо переводом Кодекса Наполеона. Этот вывод вытекает из сравнения Гражданского кодекса французов не только с первыми частями проекта, но и с третьей его частью, среди норм которой заимствований из французского кодекса обнаруживалось, казалось бы, больше всего.

Модель договора, выраженная в статьях третьей части проекта Гражданского уложения Российской империи, составленной к 1812 году, хотя в основе своей повторяла ту, которая была представлена в третьей книге Гражданского кодекса французов 1804 года, отличалась от нее целым рядом весьма значимых характеристик. В перечне существенных условий договоров проект повторял первые три из них, указанные в статье 1108 французского кодекса («согласие договаривающихся лиц», «личная способность к договору», «определенный предмет договора»), но в качестве четвертого условия указывал на «установленную форму» договора, тогда как в Кодексе Наполеона этим условием называлось «дозволенное основание обязательства».

Еще более значительными были отличия русской модели договора от французской в трактовке его предмета.

Статья 1126 Гражданского кодекса французов определяла: «Любой договор имеет в качестве предмета то, что одна сторона обязуется дать или что одна сторона обязуется сделать или не

¹⁰⁴ Там же. Стлб. 145–146.

делать»¹⁰⁵. Статья 1128 гласила: «Лишь те вещи, которые находятся в гражданском обороте, могут быть предметом соглашений»¹⁰⁶, в следующей же за ней статье добавлялось: «Нужно, чтобы обязательство имело своим предметом вещь, по крайней мере, определенную родовыми признаками»¹⁰⁷.

Третья часть проекта Гражданского уложения Российской империи давала свое понимание предмета договора, которое отличалось от его трактовки в Гражданском кодексе французов 1804 года. Параграф 24 третьей части проекта определял: «Предметом договора может быть всякая вещь движимая и недвижимая, которою человек законно распорядиться имеет право, и действие законом не воспрещенное; но предмет сей должен быть в договоре именно означен, или, по крайней мере, так изъяснен, чтобы определить его можно было»¹⁰⁸. Следующий параграф указывал на признаки ничтожности договора по предмету. В нем говорилось: «Договор считается ничтожным по самому его предмету:

1. Когда предмет сей запрещен законом;
2. Когда дело или происшествие, на событии коего основан договор, не существовало, или совсем невозможно;

¹⁰⁵ «Tout contrat a pour objet une chose qu'une partie s'oblige à donner, ou qu'une partie s'oblige à faire ou à ne pas faire» (Code civil de français. Édition originale et seule officielle. À Paris: De l'imprimerie de La République, An XII (1804). P. 273). И.С. Перетерский перевел эту статью следующим образом: «Предметом договора является то, что одна сторона обязуется дать, или что одна сторона обязуется сделать, или чего она обязуется не делать» (Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. / Перевод И.С. Перетерского. М., 1941. С. 258).

¹⁰⁶ «Il n'y a que les choses qui sont dans le commerce qui puissent être l'objet des conventions» (Code civil de français. P. 273).

¹⁰⁷ «Il faut que l'obligation ait pour objet une chose au moins déterminée quant à son espèce» (Ibid. P. 274).

¹⁰⁸ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. О договорах. СПб., 1812. С. 9.

3. Когда предмет договора не принадлежит тому, кто обязался отдать его другому;

4. Когда предмет договора противен добрым нравам и общественному порядку»¹⁰⁹.

Содержание первого и четвертого пунктов приведенного параграфа проекта Гражданского уложения Российской империи было навеяно статьей 1133 Гражданского кодекса французов, объявлявшей, что основание договора «является недозволенным, когда оно запрещено законом, когда оно противно добрым нравам или общественному порядку»¹¹⁰. Очевидно, что указанные в § 25 третьей части проекта пороки предмета, влекшие за собой ничтожность договора, всего лишь воспроизводили названные в данной статье французского кодекса признаки недозволенного основания договора.

В параграфе 26 третьей части проекта Гражданского уложения Российской империи пояснялось, что «договор считается ничтожным по его предмету, когда причины вышеозначенные доказаны будут судебным порядком»¹¹¹. В Гражданском кодексе французов такое правило прямо не декларировалось, но оно очевидно подразумевалось.

Параграф 27 третьей части проекта содержал норму, которой также не было аналога в Гражданском кодексе французов. «Личная служба, — говорилось в нем, — может быть предметом договора, но никто не может заключать договоров в отчуждение своей личной

¹⁰⁹ Там же. С. 10.

¹¹⁰ «La cause est illicite, quand elle est prohibée par la loi, quand elle est contraire aux bonnes moeurs ou à l'ordre public» (Code civil de français. P. 274).

¹¹¹ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 10.

свободы или своего потомства, или же в противность прав, присвоенных его состоянию»¹¹².

Еще одно значимое отличие русского варианта модели договора от французского было связано с формой договора. Проект Гражданского уложения Российской империи в числе существенных условий договора называл «установленную форму», тогда как Гражданский кодекс французов подобного значения форме договора не придавал.

Французская модель договора предполагала, что *форма договора должна служить лишь доказательством наличия прав и обязательств*. Этот вывод можно сделать, например, из содержания главы 6 титула 3 третьей книги Гражданского кодекса французов. Данный титул посвящен договорам и договорным обязательствам вообще, а указанная глава носит название «О доказательстве обязательств и доказательстве платежей (De la preuve des obligations et de celle du paiement)»¹¹³. Статья 1339 французского кодекса устанавливала, что «даритель не может исправить никаким подтвердительным актом пороки дарения, являющегося ничтожным по своей форме (nulle en la forme)» и требует, чтобы дарение, не оформленное в надлежащей форме, было «совершено вновь в законной форме (en la forme légale)», отмечая даритель не может¹¹⁴. Однако следующая статья вполне допускала исправление пороков формы дарения каким-либо подтвердительным актом. В ней признавалось, что «подтверждение или утверждение, или добровольное исполнение дарения наследниками или правопреемниками дарителя после его смерти, содержит их отказ от оспаривания дарения по причине пороков

¹¹² Там же.

¹¹³ См.: Code civil de français. P. 317–332.

¹¹⁴ Ibid. P. 325.

формы или от всяких других возражений»¹¹⁵. Таким образом, по Гражданскому кодексу французов несоблюдение установленной формы договора не влекло за собой автоматического признания его ничтожным. В определенных случаях договоры с пороками формы могли считаться действительными.

Придавая форме договора качество существенного его условия, проект Гражданского уложения Российской империи тем самым полностью исключал возможность признания договоров, не имеющих установленной формы, действительными. Параграф 28 третьей части данного проекта, изданной в 1812 году, категорично утверждал: «Все договоры, по коим можно открыть иск судебным порядком, должны быть письменные и составлены по форме, в Судебном уставе¹¹⁶ для них определенной»¹¹⁷. Исключения из этого правила допускались, согласно § 29, только относительно договорных условий «о найме служителей, о поклаже движимых вещей, с хозяевами домов, с извозчиками и корабельщиками», а также условий «между поселянами о различных предметах сельского хозяйства». Условия этого рода сохраняли свою силу и в тех случаях, когда они выражались не в письменной, а в словесной форме или не имели

¹¹⁵ «La confirmation ou ratification, ou exécution volontaire d'une donation par les héritiers ou ayant-cause du donateur, après son décès, emporte leur renonciation à opposer soit les vices de forme, soit toute autre exception» (Ibidem).

¹¹⁶ Под «Судебным уставом» в данном случае подразумеваются Устав гражданского судопроизводства и Устав уголовного судопроизводства, составление которых, наряду с уложениями гражданским и уголовным, предполагалось планом работы Комиссии составления законов. К 1816 г. была завершена работа только над первой частью Устава гражданского судопроизводства. См. об этом: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010. С. 232–233.

¹¹⁷ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 11.

установленной формы. Споры по их поводу должны были разбираться на основании Полицейского устава¹¹⁸.

Отличия русского стиля юридического мышления от французского хорошо видны и при сравнении правил толкования договоров, изложенных в третьей части проекта Гражданского уложения Российской империи, с подобными правилами в третьей книге Гражданского кодекса французов 1804 года.

Статья 1156, с которой во французском кодексе начиналась совокупность норм о толковании соглашений, устанавливала следующее правило: «При рассмотрении соглашений нужно исследовать, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений»¹¹⁹.

Параграф 50 проекта Гражданского уложения Российской империи, открывавший отделение, посвященное толкованию договоров, предписывал прямо противоположное правило: «Договоры должны быть изъясняемы и исполняемы по словесному их смыслу»¹²⁰. Однако если словесный смысл вызывал сомнения, то договоры рекомендовалось толковать, согласно § 51, «по намерению их и по доброй совести»¹²¹.

Почти одинаково решалась в Гражданском кодексе французов и в проекте Гражданского уложения Российской империи проблема двусмысленных юридических терминов. Статья 1158 французского кодекса предусматривала следующее правило: «Выражения, понимаемые в двух смыслах, должны пониматься в таком смысле,

¹¹⁸ Там же. С. 11-12.

¹¹⁹ "On doit dans les conventions rechercher quelle a été la commune intention des parties contractantes, plutôt que de s'arrêter au sens littéral des termes» (Code civil de français. P. 280).

¹²⁰ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 20.

¹²¹ Там же.

какой в наибольшей степени подходит к предмету договора»¹²². Аналогичной нормой, выраженной в § 52 третьей части российского проекта, предписывалось, что «слова двоясмысленные должны быть изъясняемы в разуме, наиболее сообразном существу главного предмета в договорах»¹²³.

Подобным же образом, то есть сохраняя основной смысл и лишь слегка изменяя формулировки, проект Гражданского уложения воспроизводил и другие нормы толкования договоров, изложенные в Гражданском кодексе французов.

Так, статья 1160 данного кодекса предписывала: «Договор должен быть дополнен условиями, которые составляют обычай, хотя бы они и не были выражены в договоре»¹²⁴. Параграф 55 российского проекта воспроизводил эту норму в следующей редакции: «Когда выражения, в договоре помещенные, не определяют предмета во всех его частях с точностию: тогда принадлежности онаго изъясняются обычаем, естли, впрочем, не определены они законом»¹²⁵.

В статье 1162 французского кодекса говорилось, что «в случае сомнения соглашения должны толковаться против того, кто выговорил условие, и в пользу того, кто принял на себя обязательство»¹²⁶. § 56 третьей части российского проекта Гражданского уложения выражал эту норму в иной, более подробной формулировке: «Естли все правила, выше постановленные, недостаточны будут к ясному истолкованию договора: тогда в случае

¹²² «Les termes susceptibles de deux sens doivent être pris dans le sens qui convient le plus à la matière du contrat» (Code civil de français. P. 280).

¹²³ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 20–21.

¹²⁴ «On doit suppléer dans le contrat les clauses qui y sont d'usage, quoiqu'elles n'y soient pas exprimées» (Code civil de français. P. 280).

¹²⁵ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 21–22.

¹²⁶ «Dans le doute, la convention s'interprète contre celui qui a stipulé et en faveur de celui qui a contracté l'obligation» (Code civil de français. P. 281).

равного с обеих сторон недоумения, сила его изъясняется более в пользу того, кто обязался что-либо отдать или исполнить, по тому уважению, что от противной ему стороны зависело определить предмет обязательства с большею точностию»¹²⁷.

Приведенные примеры показывают, что составители третьей части проекта Гражданского уложения, безусловно, опирались в своей работе не только на действующее гражданское законодательство Российской империи, но и на статьи Гражданского кодекса французов о договорах. *Однако заимствовали они из французской модели договора не правовые нормы, а выраженные в них идеи и принципы.* На основе этих идей и принципов создавались по существу новые правовые нормы.

Отличие модели договора, представленной в третьей части российского проекта Гражданского уложения, от модели договора, выраженной в третьей книге французского кодекса, проявлялось самым очевидным образом в нормах, устанавливавших правила для купли-продажи.

Статья 1582 Гражданского кодекса французов давала следующее определение этой разновидности договора: «Продажа есть соглашение, посредством которого один обязуется передать вещь, а другой — оплатить ее»¹²⁸. В следующей статье определялся момент совершения продажи. «Она считается совершившейся между сторонами, и собственность является приобретенным правом покупателя в отношении продавца как только было достигнуто соглашение о вещи и цене, хотя бы вещь не была еще передана, а цена

¹²⁷ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 22.

¹²⁸ «La vente est une convention par laquelle l'un s'oblige à livrer une chose, et l'autre à la payer» (Code civil de français. P. 390).

не была уплачена»¹²⁹. Цитируемые статьи закрепляли в чистом виде *консенсуальную* модель купли-продажи, при которой этот договор вступает в юридическую силу с момента заключения соглашения. В указанный момент право собственности на вещь, являвшуюся предметом купли-продажи, переходило от продавца к покупателю, поэтому у продавца оставалась только обязанность передать покупателю вещь.

Параграф 57 третьей части проекта Гражданского уложения Российской империи определял куплю-продажу следующими словами: «Купля и продажа есть договор, по которому один уступает свою вещь в собственность другому, а сей платит за оную условленное количество денег»¹³⁰. Из этого определения видно, что переход права собственности на продаваемую вещь в русской модели этого договора предполагался не в момент заключения соглашения о купле и продаже, а позднее.

Параграф 59 устанавливал, что «проданное недвижимое имение переходит в собственность к покупщику со времени совершения купчей у крепостных дел и выдачи оной покупщику»¹³¹. Купля и продажа движимых вещей совершалась «посредством отдачи» (§ 60), а также «записью или письменною сделкою по установленным формам» (§ 61)¹³². Таким образом, проект Гражданского уложения закреплял, в отличие от Гражданского кодекса французов, *реальную* модель купли-продажи, при которой момент совершения этого

¹²⁹ «Elle est parfaite entre les parties, et la propriété est acquise de droit à l'acheteur à l'égard du vendeur, dès qu'on est convenu de la chose et du prix, quoique la chose n'ait pas encore été livrée ni le prix payé» (ibidem).

¹³⁰ Проект Гражданского уложения Российской империи. Часть 3. С. 23.

¹³¹ Там же. С. 23–24.

¹³² Там же. С.24.

договора связывался не с заключением соглашения о вещи и цене, а с передачей вещи.

* * *

Рассмотрение проекта Гражданского уложения в Государственном совете неизбежно поднимало вопросы о соотношении юридической науки и юридической практики, допустимости включения в российское гражданское уложение норм из иностранного гражданского законодательства. На эти вопросы попытался ответить в своем мнении, представленном на заседании общего собрания Государственного совета 28 января 1815 года адмирал Н. С. Мордвинов.

«Признано уже, — утверждал Николай Семенович, — что опытность единая токмо управить может мудростью человека. Доброта теории единым временем познается и весьма часто блеск и остроумный вымысел оной не есть надежный зиждитель благоденствия народов. Теория в приложении и употреблении своем может оказаться ошибочною и не прозреющею ясно в последствия, ею порождаемые. Надежнее всегда возможно положиться на закон, проистекший от испытанной и чувствуемой нужды в оном, нежели от единой догадки о пользах, ожидаемых и предусматриваемых умственно»¹³³. Н. С. Мордвинов полагал, что составить гражданское уложение для России исключительно из действующих в ней узаконений будет чрезвычайно трудно, поскольку эти узаконения многочисленны, но тем не менее призывал стать именно на этот путь обновления российского гражданского законодательства. «Всего полезнее, — высказывался он, — было бы уменьшить токмо

¹³³ Мнение адмирала Мордвинова. 28 января 1815 года // Архив государственного совета. Том 4. Царствование императора Александра I. Стлб. 165.

излишество, согласить противоречия, стереть обветшалость, отсечь острия, уязвляющие благо, и сократить число, дабы всякому с удобностью и упамятовать их возможно было. Впредь по мере распространения просвещения, промышленности, торговли и размножения связей и взаимных отношений, внутренних и внешних, число законов умножится паки, и тогда паки потребно будет новое очищение и новое оживление законного древа в России»¹³⁴.

В соответствии с этим воззрением на гражданское уложение Мордвинов считал, что оценить его проект возможно только сопоставив его содержание с действующими в России гражданскими узаконениями. «Государственный совет, — заявлял он в своем мнении, — не в состоянии положить безошибочного заключения о доброте рассматриваемого им Проекта, если не будет прочитываемо, по крайней мере, оглавление старых законов, дабы знать, что из оных отбрасывается и что вновь вводится, и таковым образом, сличая старое с новым, возможно было бы основательно судить о достоинстве каждой перемены»¹³⁵.

Н. С. Мордвинов резко выступил и против попыток составить гражданское уложение для России по образцу иностранных гражданских кодексов. По его словам, «всякое человеческое учреждение, укорененное долгим опытом, признанное полезным даже невредным, не должно быть изменяемо смело и безбоязненно новым, требующим нового испытания и новых навыков, колико бы оно в первых своих видах ни являлось блистательным и обещающим превосходнейшие блага. Обмен своих законов на чуждые не есть руководство верное к составу Уложения, сродного для России...

¹³⁴ Там же. Стлб. 165–166.

¹³⁵ Там же. Стлб. 166–167.

Уложение царя Алексея Михайловича превосходит в доброте своей многие, существующие у народов, почитаемых ныне просвещеннейшими в Европе, и не долженствует быть презрено, потому что оно есть древнее наше; выписка из иностранных уложений, без внимания на наши отечественные узаконения, достойные по многим уважениям предпочтения, может токмо изменить, но не усовершенствовать российское уложение»¹³⁶.

Отстаивая традиционный характер и самобытность российского законодательства, Н. С. Мордвинов особую опасность для России видел в заимствовании норм Гражданского кодекса французов. «Величайшая же осторожность, — указывал он, — потребна в выписке из уложения французского, которое, как кажется, составляет основание предлагаемому Проекту, ибо французское издано было во времена смятения ума и сердца человеческого, при расторжении связей народных, забвении прав естественных и презрении нравственности и веры. Уложение их сооружено на развалинах всего священного, всего благого, прежде существовавшего, требовавшего токмо некоторого исправления и очищения. Время не осватило еще сего нового творения и много несовершенного и даже не святого в храме сем впоследствии открыться может»¹³⁷.

Мысль о том, что Кодекс Наполеона должен быть отвергнут, поскольку покоится на разрушительных идеях французской революции, высказывал в своем мнении и министр юстиции Дмитрий Прокофьевич Трощинский. «Не постигаю, — восклицал он, — как можно заимствоваться нам законами от ужасной революционной пропаганды! Как может ревнительный россиянин почитать себя

¹³⁶ Там же. Стлб. 166.

¹³⁷ Там же. Стлб. 165–166.

счастливым, учреждаясь в кругу ближних своих сообразно с духом безбожнейшего властелина!»¹³⁸. Подобные высказывания свидетельствовали на самом деле лишь о непонимании существа Гражданского кодекса французов. На самом деле он опирался в большей мере на дореволюционные французские юридические доктрины и усмирял правовыми средствами революционный дух во французском обществе.

Завершая свое мнение о проекте Гражданского уложения, адмирал Н. С. Мордвинов подчеркивал: «Рассуждение сие изложено не с тем, чтобы я признавал Уложение законов бесполезным и не понимал различия, долженствующего всегда существовать между книгою коренных законов и временными уставами и учреждениями; но дабы обратить внимание на то, что нет еще ни у которого народа образца совершенного, с коего рачительно и раболепно списывать можно было, и что и в российских узаконениях много находится изящного, могущего служить примером и самым просвещеннейшим народам»¹³⁹.

Подобные мнения, высказывавшиеся во время заседаний общего собрания Государственного совета, на которых обсуждался проект Гражданского уложения Российской империи, привлекали внимание к состоянию российского законодательства и побуждали искать способы обновления гражданского права в России в русской правовой культуре, а не в материале иностранных гражданских кодексов.

Неудачные попытки создать российский вариант гражданского кодекса по образцу Гражданского кодекса французов, предпринятые в 1809–1814 гг., заставляли искать другую, более соответствовавшую

¹³⁸ Там же. Стлб. 146.

¹³⁹ Там же. Стлб. 167–168.

условиям русского общества, форму систематизации российского гражданского законодательства. И такая форма была, в конце концов, найдена и получила свое воплощение в Своде законов гражданских, который составил первую часть десятого тома Свода законов Российской империи. При разработке как Свода законов гражданских, так и общего Свода законов использовались научные принципы систематики правового материала, теоретические конструкции тех или иных институтов гражданского права. Поэтому создание Свода гражданских законов открыло новый этап и в истории российской науки гражданского права.